

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙНАХ В КАЗАХСТАНЕ

М. Вяткин

В ряде работ, посвящённых истории народов Советского Союза, ранее угнетаемых царизмом, сохранивших до Октябрьской революции патриархально-феодальные общественные отношения, немало внимания уделялось освободительной борьбе, которую эти народы вели против царизма. Однако вопросы внутренней классовой борьбы в этих работах должного освещения не получили. Более того: намечалась тенденция вообще отрицать наличие крестьянских войн у этих народов и рассматривать всю их борьбу только как антиколониальное движение. В работах 20-х годов, как например у А. Ф. Рязанова, в его очерках по истории Казахстана, освободительная борьба казахского народа сводилась только к антиколониальной борьбе, но в работах 30-х годов уже делались попытки вскрыть классовую основу освободительных движений. Такой попыткой для истории монголов явилась интерпретация Б. Я. Владимирцовым рассказа «Сокровенного сказания» о борьбе Темучина и Джамухи. Та же проблема нашла отражение в работе Тимофеева и Брайнина, посвящённой восстанию 1916 г. в Казахстане. Однако авторы не уделили данному вопросу достаточного внимания и совсем не сделали попытки вскрыть специфику классовой борьбы в кочевом обществе.

На необходимость увязать антиколониальную борьбу башкирского народа с внутренней классовой борьбой указывал А. П. Чулошников в своей работе «Восстание 1755 г. в Башкирии». Но и здесь это указание осталось декларативным и не было разработано в его монографии. Попыткой раскрыть особенности крестьянской войны в кочевом обществе явилось изложение истории восстаний батыра Срыма и Исатая Тайманова в «Очерках по истории Казахской ССР», вышедших из печати в 1941 году. Однако достаточного освещения специфика форм эксплуатации в казахском обществе не получила ввиду того, что в книге не было уделено должного внимания развитию поземельных отношений. Хотя вышедшая в 1943 г. «История Казахской ССР» ставит вопрос о классовой борьбе в национально-освободительных движениях, однако эта проблема не была достаточно удовлетворительно освещена в отношении движения XVIII и XIX веков. Незаработанность этой проблемы для XVIII и XIX вв. находится в непосредственной связи с основным недостатком названной книги, отмеченным критикой: недостаточным освещением в ней вопросов, связанных с историей социально-экономических отношений¹. Но в отношении восстания 1916 г. «История Казахской ССР» значительно исправляет недостатки прежних работ, совершенно правильно поднимая вопрос о классовой основе этого грандиозного движения. Этому нельзя сказать о вышедшей в том же, 1943 г. книге Гафурова и Прохорова, посвящённой истории национально-освободительных движений таджикского народа. Авторы этой работы суммировали большой и интересный материал, но совершенно игнорировали вопросы классовой борьбы в развитии национально-освободительных движений.

Одна из основных трудностей в разработке проблемы крестьянских войн в кочевом обществе заключается в том, что ещё не изучена специ-

¹ Морозов М. Об «Истории Казахской ССР». «Большевик» № 6 за 1945 год.

фика классовых отношений у народностей, «сохранивших до последнего времени кочевое хозяйство и патриархально-родовой быт» (Сталин).

После выхода книги акад. Б. Владимирцова об общественном строе монголов¹ и особенно после опубликования замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника истории СССР советская историография довольно быстро преодолела глубоко ошибочную концепцию о том, будто бы у кочевых народов до последнего времени господствовали патриархально-родовые отношения как стадия первобытно-общинного строя. Однако в результате недостаточного внимания к специфике феодальных отношений у кочевых народов, у некоторых историков проявилась другая тенденция — переоценки феодальных отношений у этих народов.

На X съезде партии товарищ Сталин, говоря о кочевых народах Советского Востока, отметил наличие у них пережитков патриархально-феодальных отношений². Этим была подчеркнута основная особенность общественных отношений у кочевых народов. К сожалению, внимание историков мало привлекала проблема конкретного раскрытия содержания патриархально-феодальных отношений. Нельзя сказать, чтобы патриархальные пережитки игнорировались, но обычно общественный строй кочевых народов рассматривался как сосуществование двух укладов: патриархально-родового и феодального. Проблема же особенностей феодализма при господстве патриархально-родового быта осталась неразработанной.

Экономической основой развития этих общественных отношений является господство общинной родовой собственности на землю. Энгельс ещё в 1853 г. в письме к Марксу указывал, что «отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока»³. Энгельс имел в виду главным образом земледельческие культуры Востока, но его замечание целиком относится и к кочевым народам.

Однако при феодальном строе основой производственных отношений является «собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства»⁴. При этом под средствами производства разумеется и земля⁵.

Историография 20-х—начала 30-х годов XX в., исходя из факта господства у кочевых народов родовой собственности на основное условие производства — на землю, — пришла к выводу об отсутствии у этих народов классовых отношений. Совершенно очевидно, что этот вывод был построен на отождествлении родовой общинной земельной собственности с фактически сложившимися имущественными отношениями. Между тем господство родовой земельной собственности не устраняло, а при известных условиях облегчало концентрацию общинной земли в хозяйстве отдельных семей, подобно тому как русская крестьянская передельческая община совсем не устраняла концентрацию общинной земли в руках зажиточной группы хозяйств, как это и было показано Лениным в его классической работе о развитии капитализма в России. Маркс, отмечая господство у кочевых народов родовой собственности на землю, в то же время указывал, что у этих народов собственность на естественный продукт земли — на скот — есть в то же время и собственность на землю, по которым стада передвигаются⁶. Крупная частная собственность на скот приводит неизбежно и к фактической узурпации общинных земель.

¹ Владимирцов Б. «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм». Л. 1934.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 80. 1936.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 493.

⁴ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 120.

⁵ Там же, стр. 118.

⁶ См. «Пролетарская революция» № 3 за 1939 г., стр. 164.

На базе такой своеобразной узурпации общинной земли в обществах, сохранивших древние формы родового землевладения, могут складываться, и действительно складывались, глубокие классовые противоречия. Энгельс указывал, что «первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма»¹.

Приведённые высказывания классиков марксизма-ленинизма помогут нам в разрешении интересующей нас задачи — выявить специфику классовой борьбы в казахском обществе XVIII века.

Не подлежит сомнению, что казахское общество в конце XVIII — начале XIX в. развивалось в условиях господства родовой собственности на землю. Однако у казахов существовало глубокое имущественное неравенство, и прежде всего во владении основным видом богатства — скотом. Здесь мы можем привести лишь отдельные примеры, далеко не исчерпывающие данных об имущественном неравенстве у казахов. Так, Георги сообщает, что «у самого простого, но доброго скотовода редко бывает меньше 50 или 30 лошадей, в половину против того рогатого скота, 100 овец, нескольких верблюдов и от 20 до 50 коз. В Средней же особлизо орде есть, как слышно, и такие люди, у которых табуны содержат в себе до 10 000 лошадей, до 300 верблюдов, от трёх до четырёх тысяч рогатого скота, около 20 000 овец и больше 1000 коз. Имеющие тысяч по пять лошадей и по соответствующему числу другого скота люди есть и в Малой орде»².

Аналогичные сведения приводит и П. Рычков³; они нередко встречаются и в русских документальных данных. Концентрация скота в хозяйстве отдельных семей, естественно, приводила и к концентрации фактического использования общинных земель. Однако одно неравномерное владение скотом ещё не приводит к монопольному использованию общинных земель богатыми семьями, до тех пор пока сохраняется общинный или «куренной» способ кочевания. До тех пор, пока перекочёвки совершались целыми общинами, земля находилась в пользовании всех аулцов данной общины, хотя и использовалась ими далеко не в одинаковой степени. Иное положение создаётся при разложении общинного способа перекочёвок, с переходом к аульному кочеванию. В этом случае те или иные участки земли монопольно использовались отдельными аулами. Имеющиеся источники позволяют утверждать, что казахское общество в конце XVIII и начале XIX в. уже пережило переход от общинного к аульному кочеванию. Прежде всего общим явлением было то, что на зиму казахские родовые общины разбивались на аулы. Каждый аул имел свои зимовочные места — кстау — и стремился закрепить их за собой как наследственные участки. Об этом очень ясно говорит Я. Гавердовский, имевший случай в 1803 г. близко наблюдать жизнь казахов и оставивший исключительно ценные заметки о казахской степи⁴. Он сообщает, что зимние кочевья «выбирают заблаговременно, каждый аул, иные при известных урочищах, и сохраняют как нечто наследственное и драгоценное»⁵. О том же свидетельствует и Броневский: «Кочуя всё лето целой волостью, на зиму принуждены разделяться на малые части по аулам»⁶.

Аульный характер зимних стоянок являлся обычным, и это естест-

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. I (VI), стр. 246.

² Георги Н. «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». стр. 126. СПб. 1776.

³ Рычков П. «Топография Оренбургской губернии», стр. 294, 279 и др. 1764.

⁴ Гавердовский Я. «Обозрение киргиз-кайсацких степей». Рукопись. ЛОИИ № 34329.

⁵ Там же. Рукопись, л. 68.

⁶ Броневский Я. «Записки о киргизах». «Отечественные записки» № 23 за 1830 г., стр. 74.

венно. При экстенсивных формах кочевого скотоводства, когда заготовки сена на зиму не производились, а скот тебеневал (добывал себе корм из-под снега), зимовать целой волостью было невозможно из-за недостатка подножного корма. Следует также отметить, что кстау были наиболее ценными угодьями. Чтобы скот мог благополучно перезимовать на подножном корму, места зимних пастбищ должны быть более или менее защищены от выюг и буранов, снежный покров не должен быть глубоким и т. д.

Таких мест в степи было не так уж много; естественно, что вопрос о владении ими играл у казахов особенно важную роль. И как раз наибольшая площадь земель, пригодных под кстау, оказывалась в монопольном использовании богатых аулов.

У кыпчакских племён, задолго до образования казахской народности, вероятно ещё в домонгольский период, распоряжение общинными землями было закреплено за родовой знатью — биями. Такой порядок распоряжения общинной землёй вполне укладывался в нормы их обычного права, впоследствии перешедшего к казахам. Но по мере развития имущественного неравенства и складывающихся на этой основе классовых отношений обычай распоряжения общинными землями родовой знатью качественно изменялся. Наиболее целесообразная организация общинного землепользования при первобытно-общинном строе превращалась в весьма удобную для родовой знати способ захвата лучшей общинной земли в пользование своих аулов. Понятно, что и в более позднее время, во второй половине XIX в., когда в Казахстане сложилось байство как общественная группа, существование которой было связано с развитием товарно-денежных отношений, и когда ни о каком общественном равенстве говорить было нельзя, казахская знать, чтобы скрыть углубление классовых различий, выступала поборником сохранения общинной собственности на землю.

Но о сохранении общинного кочевания как господствующей формы нельзя говорить и для периода летних перекочёвок. Отдельно от общин кочевали аулы казахской степной аристократии — султанов. Есть основания утверждать, что ещё на заре существования особого казахского ханства, в первой половине XVI в., султаны в летнее время кочевали поаульно. Так, один из ближайших сановников узбекского хана Мухаммеда, Шейбани, говорит об обособленных кочёвках казахских султанов Джаныша и его брата. В XVIII в. К. Барданес посетил отдельно кочевавший аул султана Мамета¹. Об отдельном кочевании аула хана Абулхайра говорит и Тевкелев в своём журнале о «Комиссии» 1731—1732 годов. Казахские фольклорные материалы говорят об обособленных кочёвках богатых аулов, как об обычном явлении. Так, например, в известной лирической поэме Козы Корпеш и Баян-слу рассказывается об откочёвке аула отца Корпеша — Карабая — от предгорий Ала-Тау к Тарбагатаю². Очевидно, не только аулы султанов, но и вообще богатые аулы, в том числе и родовой знати, летом имели обособленные кочевья. Это понятно: при большом количестве скота для богатых аулов необходимо было кочевать отдельно от общины, чтобы их скот был в достаточной мере обеспечен кормом и в засушливых районах — водой (для её добывания приходилось рыть колодцы).

Таким образом, данные о распределении скота по аулам и о способе кочевания позволяют сделать вывод, что в условиях родовой собственности на землю складывалось глубоко неравномерное пользование земель-

¹ Дополнительные статьи к запискам путешествия Фалька, стр. 15—16. 1825.

² Текст поэмы на казахском языке издан В. Радловым в сборнике «Образцы народной литературы тюркских племён». Т. III. 1870. Есть художественный перевод Тверитина.

ными угодиями. Большая часть общинных пастбищ фактически монополю использовалась степной аристократией — торе — и родовой знатью. Таким образом, общинная собственность на землю не гарантировала бедным аулам достаточного землепользования, особенно в отношении кстау.

Узурпация общинных земель происходила в Казахстане в рамках норм обычного права, без формального нарушения права каждого свободного члена рода пользоваться общинной землёй. В этом факте проявилось влияние патриархально-родового быта на имущественные отношения казахов. Не менее своеобразно складывались в условиях господства патриархально-родового быта и отношения эксплуатации. Особенно важно проследить те отношения, которые складывались не между степной аристократией — султанами, стоявшими вне общин и составлявшими особое, неделимое, привилегированное сословие, так называемое чанг, — а отношения внутри родовой общины. Прежде всего нужно выяснить общественное положение родовых старшин — биев. Их общественное положение вскрывается с большим трудом, не только в силу скудости материала, но и в силу того, что мы здесь сталкиваемся с ещё не отстоявшимся процессом классового становления, а следовательно, и с неопределённостью классовых признаков.

Звание бия существовало не только у казахов, но и у других тюркских народностей, входивших ранее в состав Золотой Орды. Звание бия наряду со званием бека носили представители узбекской родовой знати. Это звание являлось наследственным или приобреталось в силу ханского пожалования.

В конце XVIII в. бии в лице своего представителя — инака — фактически правили Хивинским ханством. Чингизиды уже не играли самостоятельной политической роли, а в начале XIX в. и формально были устранены от власти. Господствующее положение в обществе занимали бии и у каракалпаков. Исследователь этого вопроса П. П. Иванов писал: «На родовой основе вырастает и развивается фигура главного представителя класса эксплуататоров — бия. Бий является главной фигурой каракалпакского рода, его головой... Помимо получения различных подарков и подношений бий обогащается также путём присвоения себе лучших пастбищ и прочих преимуществ, какими пользуется он в своём роде. В распоряжении бия состоит обычно то или иное число служителей, набираемых им из числа своих родственников и других сородичей, находящихся в экономической зависимости от него на почве распределения пастбищ и обладания скотом»¹.

Аналогично было положение биев у народа, родственного казахам, — киргизов. На господствующее положение биев указывает на основании одного китайского источника Тимковский. Он сообщает, что киргизы «называют владельцев своих биями. Иные бии имеют от 10 до 20, другие — от 20 до 30 улусов»². Далее он подчёркивает наследственность звания бия у киргизов. То же подтверждает и Зиберштейн, посетивший в 1824 г. в составе экспедиции полковника Шубина северные районы Киргизии³. Наследственность этого звания у киргизов привела, повидимому, в конце XVIII или начале XIX в., к выделению особой замкнутой, привилегированной группы биев — манапов, безраздельно господствовавших в киргизском обществе. Господствующей фигурой бий являлся и в казахском обществе. Паллас, наблюдавший жизнь казахского общества в 70-х годах XVIII в., сближает положение бия с положением дворянства. «Имеющие у себя в ведомстве большое число подчинённых, — пишет он, — называ-

¹ Иванов П. «Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков», стр. 53. М. и Л. 1937.

² Тимковский «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.», стр. 156. СПб. 1824.

³ Дневник лекаря Зиберштейна. «Исторический архив» № 1 за 1936 г., стр. 245

ются ханами и султанами. Так же есть ещё и другие чины, оным подсудные, бю именуемые». Так же рисовал положение бия в казахском обществе и П. И. Рычков. «Бий — князёк, — пишет он, — звание, присваиваемое у азиатских народов лучшим людям вместо дворянства. Таких биев в Хивинском владении весьма много, а несколько есть и у киргизцев»¹.

Интересно, что Рычков не проводит различия в положении биев у казахов и в Хиве, где их привилегированное положение не возбуждало ни в ком сомнений. На основании китайских источников привилегированное положение биев в казахском обществе подчёркивает и Тимковский. У казахов (в его транскрипции — хасаков), пишет он, «главу народа называют би (бий, князь)»².

Нередко, как и у киргизов и каракалпаков, звание бия у казахов являлось наследственным. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные подписи казахских биев, сохранившиеся под «представлениями, письмами и т. п., в которых обыкновенно указывается вместе с именем бия и его происхождение»³. Иногда наследственность звания биев по таким подписям можно проследить до третьего предка.

В основе их господствующего положения лежали совсем не «организаторские функции», характеризовавшие положение родового старшины в условиях первобытно-общинного строя, а совершенно реальные экономические условия быта казахов и прежде всего — фактическое владение значительной частью родовой земли и право распоряжения кочевьями подчинённых им общин. Это особенно ярко проявилось в производственных отношениях, формировавшихся в казахской общине. Эти отношения характеризовались архаическими, крайне замаскированными формами отработочной докапиталистической ренты. Её описание, неоднократно цитированное в литературе, дал Георги: «Богатые наделяют скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то они почитают сие благодатию и разделяют по бедным значительное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделённые им люди не бывают ему за то ничем обязаны; ежели же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастьям лишится своих стад, то наделённые им прежде приятели дают ему толикое же число или ещё с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало за тем оставалось. И по тому богатый человек делает посредством таких благодетелей табуны свои как бы вечными»⁴.

Это так называемый саан — помощь богатых своим обедневшим сородичам. Совершенно ясно, что эта помощь являлась средством обеспечить хозяйство богатого сородича рабочей силой для ухода за скотом. Интересно, что Георги объясняет распространение саана тем, что «не всяк может иметь довольно для табунов своих число невольников»⁵. Саан не только обеспечивал хозяйство родовой знати необходимой рабочей силой, но и гарантировал их табуны от возможных потерь, которые в условиях экстенсивного хозяйства были нередки (гололедица, так называемый жут, бураны, барымты и т. п.). Такая форма отработочной ренты под именем саана существовала и у киргизов. К саану прибегали, разумеется, не все сородичи. Для многих из них зависимость от бийской

¹ Паллас «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Ч. 1-я, стр. 578—579. СПб. 1773.

² Цит. по статье Чулошниковой «К истории феодальных отношений в Казахстане XVII—XVIII вв.», «Известия отделения общественных наук АН СССР» № 3 за 1936 г., стр. 504.

³ Тимковский. Указ. соч., стр. 263.

⁴ «Материалы по истории Казахской ССР», Т. IV, стр. 135, 169, 170, 172, 217 и др. М. и Л. 1940.

⁵ Георги Н. Указ. соч., стр. 129.

⁶ Там же.

верхушки выражалась в необходимости руководствоваться в перекочёвках распоряжениями бия и в подношении подарков биям по форме добровольных, а по существу обязательных, предписанных адатом.

Но существовали и гораздо более глубокие формы зависимости сородичей от родовой верхушки. В казахском обществе были припущенники, которые, обладая необходимым количеством скота, вынуждены были кочевать в составе чужих аулов, выполняя на их владельцев различные работы. Вознаграждением за их труд служило обычно несколько овец для удоя.

Ф. Назаров, совершивший поездку в Коканд в 1813—1814 гг., наблюдал таких припущенников у казахов. «Близ реки Каракуч, впадающей из Нуры в Ишим,— пишет он,— мы встретили киргизов, не имеющих никакого скота... Большая часть из них для снискивания дневного пропитания находится у кочующих поблизости киргизов в услужении»¹.

Аналогичное указание мы находим в одном из статистических обозрений Сибири начала XIX в.: «Богатые обыкновенно содержат у себя в услужении многих бедных своих земляков»². Очевидно, степень зависимости сородичей от биев была неодинакова, но для всех форм зависимости характерна одна черта: отношения эксплуатации выступали под видом помощи богатых своим обедневшим сородичам. Другими словами, отношения эксплуатации выступали глубоко замаскированными, господствовавшими в жизни казахов формами патриархально-родового быта. Вне этих форм не могут быть поняты отношения эксплуатации, как и экономическая основа их — имущественные, поземельные отношения. Отсюда кажущаяся простота и равенство общественной жизни. Однако внимательные современники замечали, что под этими внешними формами «свободы», «равенства» скрывается глубокое неравенство.

«Но при вольности и общем равенстве жизни,— писал Я. Гавердовский,— недостаёт здесь равенства общественного. Класс бедных между киргизцами наравне по большей части чувствует тягость своего состояния, нежели в землях благоустроенных. Не имея средств достать себе пропитание рукоделием и работою, будучи угнетаемы сильными, оставаясь всегда в томлении от недостатка и неразлучные с одним местоположением, они как будто лишены свободы, отчего невольным образом влекутся в нищенство, дабы по крайней мере сим средством снискать себе пищу и покров»³.

Господство родовой собственности в области имущественных отношений обусловило организацию отношений эксплуатации в форме различных видов родственной помощи и придавало общественным отношениям казахов патриархально-феодалный характер. Их внешней формой проявления являлся патриархально-родовой быт.

Понятно, что в этих условиях классовая противоположность родовой верхушки и широких трудящихся масс казахов-скотоводов не могла найти ясного и чёткого проявления. Патриархальщина, пропитывавшая и поземельные отношения и формы эксплуатации, создавала видимость классовой однородности патриархально-родовой общины казахов, мешала развитию классового самосознания казахов-скотоводов в значительно большей степени, чем это имело место в территориальной земледельческой общине русского крестьянства. Отсюда неразвитость форм классовой

¹ «Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова. Отд. — Сиб. корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 — 1814 гг.», стр. 19. СПб. 1821.

² «Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников», стр. 131. СПб. 1910.

³ Гавердовский Я. Указ. рукопись, л. 57 об.

борьбы, а следовательно, и относительное однообразие общественной жизни.

Более ярко было выражено классовое положение степной аристократии — султанов. Ещё в период монгольского завоевания и Золотой Орды чингизиды, принявшие впоследствии звание султанов, обладали ясно выраженными чертами степных феодалов. Экономической основой их господства в казахском обществе XVIII в. была концентрация общинной земли в их руках и распоряжение кочевьями подчинённых им родов, т. е. то же, что и для родовых биев. Но султаны стояли вне казахских общин; звание султана было наследственным и приобреталось только по праву рождения от знати «белой кости». В их распоряжении находились независимые от родовых общин дружины, состоявшие у казахов из толенгутов и каракалпаков, а у узбеков — из нукеров (у киргизов султанов не было). Господствующее положение султанов в казахском обществе экономически проявлялось в многочисленных натуральных продуктовых повинностях трудящихся казахов. В этих повинностях отразились различные исторические напластования. Среди них мы встречаем такие древние повинности, как постоянная, выделение обязательной доли из военной добычи и охоты. Другие повинности были связаны с проникновением в племена Дешти Кипчака ислама. Таковы ушар (десятая часть урожая с оседлого земледельческого населения) и закят (сороковая часть с имущества, главным образом со скота). Многие другие повинности, повидимому, были более позднего происхождения: сборы на уплату долгов, на содержание аманатов (заложников) и т. п. Некоторые повинности были связаны с выполнением султанами судебных функций. Таков был ханлык.

Нет необходимости подробно останавливаться на характеристике этих повинностей, поскольку в литературе, даже националистического направления, не отрицалось классовое положение султанов как степных феодалов. Отметим лишь, что в отличие от биев султаны взимали докапиталистическую ренту по преимуществу не в отработочной, а в продуктовой форме. Это различие форм ренты отразило путь развития феодальных отношений в казахском обществе.

Своеобразная система общественных отношений нашла отражение в особых формах развития классовой борьбы в Казахстане. Мы попытаемся вскрыть специфику форм классовой борьбы в условиях господства патриархально-феодалных отношений в Казахстане на материалах восстания батыра Срыма Датова (1783—1797). Изучение этого движения представляет тем больший интерес, что борьба Срыма развивалась в период, когда на поземельных отношениях казахов уже с достаточной силой отразилось влияние колониальной политики российской самодержавия. Тем самым изучение движения Срыма позволяет вскрыть соотношение антиколониальной и внутренней классовой борьбы казахского народа.

Центром движения батыра Срыма были общины поколения Байулы, кочевавшие к югозападу от Нижнего Урала. Эти общины особенно остро чувствовали нужду в зимних кочевьях. На левом берегу Урала не было земель, защищённых от снежных буранов. Снежный покров здесь бывал довольно глубок. Кроме того травяной покров вытаптывался за время летних перекочёвок. Ранее, в первой половине XVIII в., эти общины зиму проводили в низовьях Сыр-Дарьи, но ко второй половине столетия эти земли были заняты отчасти каракалпаками, отчасти общинами поколения Алимуды. Среди байулинцев выросла тяга за пограничную уральскую линию, где между Уралом и Волгой, по берегу Каспийского моря, были земли, весьма удобные для кстау. Однако с 1756 г. правительство решительно воспрепятствовало перекочёвкам казахов на правый берег Урала. Официально запрещения объяснялись желанием предотвратить взаимные набеги казахов и калмыков-торгоутов. Однако, когда в 1771 г. калмыки во главе,

с тайцзы Убаши покинули эти земли и ушли в основной своей массе в Джунгарию, запрещение перекочёвывать за Урал всё же осталось в силе, несмотря на то что земли между Уралом и Волгой (они назывались «внутренней стороной») теперь запустели. Так произошло потому, что в борьбе за использование государственных земель столкнулись тогда интересы трёх групп: Уральского казахского войска, весьма влиятельных русских помещиков и казахского народа. Спор за земли на внутренней стороне был решён не в пользу казахов. Побережье Каспийского моря досталось кн. Юсупову и гр. Безбородко, а весьма богатые заливными лугами междузенские земли — казахьему войску. Между тем земли на внутренней стороне были жизненно необходимы для казахов: без них, особенно в суровые выюжные зимы, в незащищённой от ветров степи гибло огромное количество казахского скота. Нередко гибли и люди. В 1762 г. писарь хана доносил оренбургскому коменданту, что «казахов ниже Яицкого устья на взморье собралось в одном месте столько тесно, что почти кибитка с кибиткою и говорят между собою, что ныне к ним милости нет и находятся яко отчаянные, а скота своего через Яик перепустить не смеют»¹. Началась длительная и совершенно бесплодная переписка хана и биев с царской администрацией. Но разрешения пользоваться землями внутренней стороны для зимних стоянок казахи так и не получили. Не подлежит сомнению, что именно вопрос об использовании этих земель лежал в основе широкого участия казахских народных масс в крестьянской войне 1773 — 1774 гг. в России.

Несмотря на запрещение массовые перекочёвки казахов со степной стороны за Урал начались осенью 1773 года. Они повторились и в следующем году. А в 1775 г. правительство вынуждено было указом 9 ноября легализовать этот переход. Правда, разрешение было дано лишь на 1775 год. Однако и в последующие годы казахи использовали земли внутренней стороны для зимних стоянок.

Попытка урегулировать этот вопрос была сделана правительством лишь в 1782 г., когда был издан именной указ², разрешающий перегонять скот на земли внутренней стороны лишь с согласия владельцев этой земли и за плату. Указ обошёл молчанием вопрос о пустующих землях, но местная администрация была склонна рассматривать это как сохранение в силе прежнего запрещения пользоваться пустующими землями для зимних стоянок. Фактически переход всё же разрешался, но с обязательным взятием аманатов и под поручительством хана или владетельного султана.

Хан Нуралы по соглашению с местной администрацией давал поручительство лишь при условии уплаты казахами определённого налога. Так же поступали и султаны, родственники хана. Для них в этих поборах реализовалось право верховного распоряжения кочевьями, принадлежавшее степному феодалу. Но теперь это право переплеталось с ханскими поборами, что являлось новым моментом в поземельных отношениях, не предусмотренных адатом. Без согласия хана или султана местная администрация не пускала казахов на правый берег Урала. Поборы хана воспринимались казахским народом как произвол и нарушение обычного права. Казахские бии жаловались на эти поборы генерал-губернатору в 1785 году. «Ханские дети, — писали они, — от Кердеринского рода в одном году за переход, якобы, за Урал-реку взяли 100 лошадей, от Таминского рода в одном году — 60 лошадей, от Табынского рода — 50 лошадей, да и от каждого рода без обиды и без взятия лошадей не оставили»³.

¹ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР, стр. 159. Л. 1941.

² Указ этот не напечатан в Полном собрании законов. Выдержки из него см. Центральный исторический архив Ленинграда, фонд Государственного совета. Непременный совет, д. № 145, л. 3 об. 1795.

³ Центральный архив древних актов (ЦАДА). «Сношения России с киргиз-кайсаками». К-61, № 2, л. 116. 1775—1786.

Эти поборы носили не случайный, а регулярный характер. Генерал-губернатор Оренбургского края Игельстром доносил Екатерине II, что хан «при перегоне внутрь линии и в степи на удобные для корму места скот киргизский собирал с каждого коша при всяком перегоне по одной лошади и одному барану. Сверх сего дети ево, хана, коих имеет сорок, подъезжая к тем местам, собирали с народа каждый равную для себя часть»¹.

Эти сведения Игельстром сообщил императрице на основании данных, которые он получил от депутации биев, приезжавшей к нему летом 1785 года. Если Игельстром в своём донесении точно передаёт сведения, полученные от биев, то они заслуживают большого внимания. Хан, видимо, стремился собрать подать не только при перегоне скота на внутреннюю сторону, но и вообще за удобные места для кочёвок в степи.

Движение Срыма возникло в 1783 г. как реакция на возросшие насилия Уральского войска над казахскими аулами и по своему характеру первоначально не выходило за рамки разрозненных столкновений с отрядами уральцев. Но в 1785 г. борьба Срыма приобрела подлинно народно-освободительный характер. Перерастание довольно обычных пограничных столкновений в освободительное народное движение произошло на основе борьбы за землю. Своим остриём эта борьба была направлена против собственной казахской аристократии и прежде всего против хана Нуралы и султанов его фамилии. Поскольку как раз в эти годы царское правительство не применяло категорического запрещения кочевать в зимнее время на внутренней стороне, в действиях хана и примыкавших к нему султанов казахи видели основное препятствие в пользовании зимними стоянками. В борьбе за землю и против феодальных поборов хана проявлялся народный, или, условно применяя к кочевому обществу терминологию, установившуюся для земледельческих, оседлых народов, крестьянский характер движения Срыма.

На двух основных требованиях сходились все участники движения Срыма. Они настаивали на отмене каких бы то ни было ограничений в пользовании землями на внутренней стороне и требовали устранения хана Нуралы и его родственников от всякой власти в жузе. Несмотря на ясно выраженную направленность борьбы народных масс в 1785 г. против ханской группировки, потенциально в ней скрывалась возможность, а при расширении земельных ограничений казахов — неизбежность борьбы и против России. Генерал-губернатор Игельстром правильно уловил основное в требованиях биев, примыкавших к Срыму, и разрешил в 1786 г. пропуск 45 тыс. кибиток со степной стороны за Урал². Фактически перешло больше. По донесениям астраханского обер-коменданта, перешло до 60 тыс. кибиток³. В результате 1786 и 1787 годы были временем необычайного спокойствия на пограничной линии: набеги казахов на русские поселения почти совершенно прекратились, значительно увеличилась пограничная торговля. До конца 80-х годов борьба Срыма носила антифеодальный характер. Особенностью данного периода в развитии движения являлось то, что народные массы выступали совместно с родовыми биями и под их руководством. Движение было направлено против степной аристократии — султанов.

Мы напрасно стали бы искать у Срыма какой-либо законченной и определённой политической программы. Как и во всяком стихийном крестьянском восстании эпохи феодализма, такой программы у Срыма не было. Совершенно ясно выступает в деятельности Срыма лишь стремление полностью ликвидировать власть хана и всё правление в жузе передать в руки родовых биев. Единство же жуза, по его мнению, должны были обес-

¹ ЦАДА «Сношения России с киргиз-кайсаками». К-61. № 2, л. 118. 1775—1786.

² ЛОИИ. Собрание графов Воронцовых, № 543, л. 281.

³ Там же, л. 296 об.

печатать ежегодные народные съезды, постановления которых были бы в одинаковой мере обязательны для всех. Но верность таким постановлениям должна быть гарантирована не каким-либо реальным аппаратом принуждения, а скорее моральным обязательством каждого бия подчиняться общим решениям народных съездов.

Весной 1786 г. хан, покинутый всеми своими сторонниками и даже сыновьями, бежал из жуза в Россию. Тогда тотчас же обнаружилось глубокое расхождение среди руководящей верхушки биев по вопросу о дальнейшем политическом устройстве казахского общества. Большинство биев считало необходимым сохранить ханскую власть, но выбрать такого хана, который «их воле был бы послушен». По существу, их стремление сводилось к попыткам сохранить своё господствующее положение в политической жизни казахского общества, которое они занимали в течение XVII — начала XVIII в. при хане Тауке (1680—1718), когда ни одного решения хан не мог принять без их согласия.

Однако в 80-х годах XVIII в. стремление биев к сохранению ханской власти столкнулось с сопротивлением русского правительства, которое решило использовать внутреннюю борьбу в жузе для организации управления казахской степи по типу общеимперской системы управления губерниями, принятой в 1775 году. В этом смысле генерал-губернатор Игельстром и представил 10 мая 1786 г. проект нового административного устройства степи, получивший полное одобрение императрицы¹.

Новые органы власти, Пограничный суд в Оренбурге и расправы в степи в 1786—1787 гг. действительно были организованы, но эти учреждения оказались мертворождёнными. Фактическая власть в жузе после бегства Нуралы перешла в руки наиболее влиятельных биев, в том числе и Сырма². Одни из старшин вошли в состав расправ; хотя расправы и не функционировали, всё же участие этих старшин в новых органах власти привело к установлению тесных связей между ними и царской администрацией. К старшинам, особенно тесно связавшимся с русской администрацией, принадлежали Донен-бий, Тормамбет-бий, Софра-бий и некоторые другие. Аулы этих старшин кочевали вблизи пограничной линии, и зависимость их от русских властей в пользовании пограничными пастбищами была наиболее сильна. Некоторые бии, как например Каракобек из рода Торткара, добивались усиления личного влияния и, в зависимости от подъёма или упадка движения, то примыкали к нему, то отходили от борьбы. Но подавляющее большинство биев продолжало настаивать на восстановлении ханской власти.

То обстоятельство, что движением руководили родовые бии, приводило к раздроблению сил народа, порождало споры между отдельными родовыми группировками и меньше всего содействовало усилению «крестьянского характера» движения. Однако объективно складывающаяся обстановка борьбы неизбежно вела к углублению движения, ускоряла процесс классового размежевания борющихся сил.

Русское правительство очень скоро поняло беспочвенность проектов Игельстрома. Естественным следствием этого явились отозвание в 1790 г. его с поста генерал-губернатора и назначение на этот пост генерала А. Пеутлинга. Пеутлинг вернулся к прежним методам колониальной политики. Перегон на зиму казахского скота на внутреннюю сторону был запрещён. Были предприняты шаги к восстановлению в жузе ханской власти. В 1791 г. ханом был назначен султан Ералы, брат умершего к тому времени в Уфе Нуралы, наиболее непримиримый противник старшинской группировки.

¹ ЦАДА, К-63, № 11, лл. 1—3. 1786.

² Подробно о реформе Игельстрома см. «Материалы по истории Казахской ССР». Т. IV, введение, «Очерки по истории Казахской ССР», глава 10.

Несмотря на запрещение правительства подвергать разорению мирные аулы, вооружённые экспедиции в степь получили небывало широкое применение, причём разорению подвергались пограничные аулы, которые под страхом репрессий, как правило, не принимали участия в набегах на русские поселения. Всё это вело к активизации движения народных масс против колониального гнёта. Но подавляющее большинство биев стало на путь безоговорочного подчинения русским властям и не шло дальше робких словесных протестов. Тогда движение стало развиваться вопреки воле биев, и в отдельных случаях оно принимало характер борьбы против родовой знати. В Оренбург из степи стали поступать тревожные письма.

В мае 1791 г. Софра-бий писал в Экспедицию пограничных дел: «На сих днях в нашей Орде сильный бунт восстанавливается. Знать не могу, в каком положении Орда наша останется»¹. Бий рода Тама Шовак сообщил атаману Уральского войска, что в родах Адай, Ессентемир «большая часть киргизцев имеют на него негодование»². Мулла Таймас Сеитов доносил, что адаевцы «прошедшей осенью причиняли непослушание старшинам их»³. Бий рода Жагалбайлы Толеберген просил разрешения расположиться своим аулом близости Оренбурга, так как, писал он, «я огобращающихся в воровстве киргизцев весьма опасуюсь»⁴.

Как ни отрывочны эти и подобные им указания источников, всё же они позволяют сделать вывод, что в степи происходило размежевание борющихся сил внутри казахской общины. Но выступления народных масс были разрознены. Из имеющихся материалов не видно, что нараставшая борьба выливалась хотя бы в стихийное движение против биев как социальной группы.

После длительных колебаний лишь к осени 1792 г. Срым понял неизбежность вооружённой борьбы, для того чтобы добиться устранения хана Ералы, разрешить вопрос о зимних перекочёвках на внутреннюю сторону и прекратить «воинские поиски» в степи. В письме на имя генерал-губернатора о разрыве с Россией, полученном в Оренбурге в сентябре 1792 г., он обвинял Пеутлинга в стремлении закабалить казахский народ, как были закабалены башкиры и калмыки. Но «царистский» характер идеологии Срыма в этот, наиболее острый момент борьбы очень ярко проявился в том, что он приписывал лишь генерал-губернатору политику, проводимую царским правительством в отношении казахов. «Впрочем, — писал он, — со временем ваши дела будут её императорскому величеству открыты, и тогда лицо ваше почернеет»⁵.

Попытки вооружённого нападения казахов на русские крепости окончились неудачей. Безрезультатна была и партизанская борьба, которую развернул Срым в 1793 году. Тем не менее этот период борьбы весьма важен для решения вопроса о движущих силах восстания. В 1792—1793 гг. народные массы исключительно широко поддерживали Срыма. Они не только вступали в отряды восставших, но укрывали джигитов Срыма при отступлении. Никакими силами нельзя было заставить добиться выдачи участников движения. Срым и его отряды оставались неуловимыми. Бии, за очень немногими исключениями, выступали как решительные противники развязывания и обострения борьбы. Их позиции объяснялись не только боязнью масс: у биев не было ни малейших оснований для разрыва с царской администрацией. Даже в условиях земельных ограничений, при феодальном праве распоряжения кочевьями для них вопрос о зимних пастбищах не стоял так остро, как для широких трудящихся масс казахов. Бии имели возможность использовать лучшие места для зимних стоянок.

¹ ЧОА, ф. Экспедиции пограничных дел, № 168, л. 151 об., 1791.

² Там же, № 164, л. 8 об. 1792.

³ Там же, л. 38.

⁴ Там же, л. 175.

⁵ ЦАДА. «Сношения России с киргиз-кайсаками». К-64, № 5, л. 36 об. 1792.

в первую очередь для своих аулов. Велика была их заинтересованность и в пограничном торге.

В жузе складывались, таким образом, условия для развёртывания борьбы против родовой знати. Но Срым не понял, что успех его дела теперь, когда родовые бии явно отошли от движения, зависит от степени размежевания классовых сил внутри казахской общины. Этот вопрос и не возникал в его сознании. Правда, по отношению к отдельным биям, к тем, которые активно поддерживали царскую администрацию, Срым применял репрессии. Так, он захватил Каратау-бия, одного из его прежних ближайших соратников, и три месяца продержал его в плену; Талеберген-бия Срым вынудил бежать в Илецкий городок, под защиту русского гарнизона; он захватил сына одного из старшин, разведчика султана Есьма, «бил плетью и удержал у себя»¹.

Но отсюда ещё было бесконечно далеко до борьбы с родовой знатью как социальной группой. По отношению к биям Срым в основном придерживался иной тактики: он старался привлечь их на свою сторону. С этой целью Срым делал биям существенные уступки в вопросе о ханской власти, соглашаясь на восстановление власти хана, но в лице мало влиятельного султана Есеналы. В том же направлении Срым проводил и агитационную деятельность. Такая тактика лишь тормозила развитие классовой борьбы.

На дальнейший ход событий повлияло и изменение земельной политики русских властей. В 1794 г. генерал Пеутлинг был отозван, и на его место был назначен один из крупных представителей русской бюрократии — С. К. Вязьмитинов. Он быстро понял ненужность для колониальных интересов империи тех драконовских мероприятий, которые применял к казахам его предшественник. Одним из первых его мероприятий на посту генерал-губернатора было восстановление права казахов перегонять скот на внутреннюю сторону. Но при этом Вязьмитинов охранял интересы русских помещиков и Уральского войска в прикаспийских степях: разрешение на перегон было ограничено узким участком на Нижнем Урале, между крепостью Индерских гор и Каленовским форпостом². Это значило, что казахи могли перегонять скот на пустующие земли. Пастбища по уезням охранялись казачьими форпостами, на помещичьи же земли приморской полосы казахи попасть не могли, так как их отгораживала кордонная линия, тянувшаяся от Кимелика до Индерских гор, на Нижнем Урале. Земель, удобных для кстау, которые были расположены как раз по побережью Каспийского моря, казахи не получили. Всё же мероприятия Вязьмитинова расширяли права казахского землепользования.

Движение Срыма быстро клонилось к упадку. Но к концу 1795 г. сложились новые условия для его подъёма. В зиму 1795—1796 г. казахские общины, проводившие зиму в низовьях Сыр-Дарьи, по Эмбе, по северовосточному побережью Каспийского моря, сильно пострадали от страшного жуга (гибель скота от гололедицы). Казахи, писал мулла Губайдулла Феткуллин С. К. Вязьмитинову, «дошли до такой крайности, что с голоду малолетние дети многие померли»³. В глубине степи снова нарастало движение, направленное против казахской знати. Султан Есеналы, близкий стоявший к Срым, с тревогой говорил султану Жанторе, что «киргизкайсацкая орда по причине бывшего скотского падежа пришла в великое истощение, от чего воров умножилось»⁴.

Возник проект, поддержанный и Вязьмитиновым, — примирить Срыма

¹ ЧОА, ф. Экспедиции пограничных дел, № 184, лл. 319, 320 и др. 1792.

² Центральный исторический архив в Ленинграде, ф. государственного совета. Непременный совет, № 145, лл. 3—6 об. 1795.

³ Там же, фонд канцелярии генерал-прокурора. № 102, л. 25. 1797.

⁴ ЦАДА, К-65, л. 9. 1796.

с Есымом, который был назначен ханом в 1795 г., после смерти хана Ераулы. Но эти попытки оказались безуспешными. Недовольные казахи снова начали группироваться вокруг Срыма. В ночь на 27 марта 1797 г. хан Есым был убит Срымом в его ставке близ русской границы.

Убийство хана произвело потрясающее впечатление в жузе. Би поколения Байулы, на которых опирался хан, почти поголовно восстали против Срыма. Они даже приняли участие в карательной экспедиции, организованной атаманом Уральского войска против повстанцев, но под давлением нараставшего возмущения масс вынуждены были поспешно вернуться в свои аулы.

Аулы хана и его родственников-султанов поспешно бежали под защиту русских крепостей. Султаны не смели даже выглянуть в степь: им грозила гибель. Народные массы были на стороне Срыма. В этом была сила батыра. Стихийное размежевание сил внутри казахской общины шло неизмеримо быстрее, чем в 1792—1793 годах. Но Срым и на этот раз не изменил своей тактики, он попрежнему стремился договориться с биями, опереться на них, а не на народные массы. Ему удалось добиться временного успеха: на собрании ханского совета, организованного в 1797 г. царской администрацией, Срым провёл решение о восстановлении управления жузом так, как оно сложилось в 1785—1787 годах. Практически из этого ровно ничего не вышло. В ответ на решение ханского совета русское правительство назначило нового хана, в лице престарелого султана Айчувака. Срым вынужден был откочевать в Хиву. Он умер там в 1802 году. Как передают народные предания казахов, Срым по проискам казахских султанов был отравлен хивинским ханом.

Мы не стремились в настоящем очерке дать историю движения батыра Срыма. Нам хотелось лишь наметить основные этапы борьбы за землю, борьбы, которая и придавала движению Срыма характер крестьянской войны. Легко видеть, каким огромным тормозом на пути развития внутренней классовой борьбы в казахском ауле являлось господство патриархально-родовых пережитков, глубоко коренившихся в условиях экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства. Патриархально-родовые пережитки довели и над волей народных масс и над сознанием руководителя борьбы — батыра Срыма. Развитие классовой борьбы так и не приняло тех относительно законченных форм, какие принимала крестьянская война у оседлых, земледельческих народов.

Необходимо проследить развитие внутренних противоречий и у других кочевых и полукочевых народностей Советского Востока. Такое изучение позволило бы избежать упрощенчества в трактовке национально-освободительных движений и помогло бы прийти к обобщающим выводам в области совершенно не разработанной в историографии проблемы крестьянских войн у отсталых кочевых народностей.
